

Другая жизнь

*Вокруг меня смыкается кольцо -
Меня хватают, вовлекают в пляску, -
Так-так, мое нормальное лицо
Все, вероятно, приняли за маску.
Что делать мне - бежать, да поскорей?
А может, вместе с ними веселиться?..
Надеюсь я, под масками зверей
Бывают человеческие лица.
Вл.Высоцкий, «Маски»*

Дом, в который попал Мишка, женившись на Люде, отличался от его прежней проходной комнатенки в его бывшей коммунальной квартире, как Земля от Луны. Богатая 5-комнатная квартира генерала была заполнена дорогими вещами, как музей: ковры, картины, дорогая мебель, горки с хрусталем, портьеры, шкафы с одеждой, наконец, кухня с прислугой, машина с шофером, продуктовые пайки с деликатесами, которые не продавались в обычных магазинах. Миша боялся ступить по блестящему паркету, и даже раздевшаяся догола жена казалась ему поначалу недоступной в ореоле навешанных на нее сережек, колец и кулонов с бриллиантами и изумрудами. Но в отличие от прежнего жилья, в этой дорогой квартире у него не было своего угла. В комнате молодых стояла двуспальная кровать, горка, шкаф, трельяж: некуда было даже пристроить книги. Единственным местом для личной жизни была у Мишки половина супружеского ложа, поэтому он предпочитал проводить время в институте и библиотеке. Так же без места маялась по квартире и маленькая дочка Даша, в основном проводящая время в элитных детских учреждениях. Хотя в квартире у нее была своя маленькая детская комната, но она в ней только спала, когда приезжала вечером и на выходные дни.

Любовь приходит и уходит, а дети остаются. Дашка бродила по квартире, встречая ласковые взгляды и похвалы всех взрослых, но вплотную заниматься ею было некому. Она таскала за собой сумки с игрушками, книжками и безделушками, и чтобы обратить на себя внимание, забиралась под столы и диваны, неожиданно хватая проходящих взрослых за ноги. Те осторожно и ласково отдирали ее руки от себя и шли по своим делам. Раз в неделю приходили странные, молчаливые мужики, в штатском, но с военной выправкой, и до ночи играли в гостиной в карты, не разговаривая, а только перебрасываясь картежными репликами. Однажды Мишка услышал, как один гость в прихожей сказал, то ли пошутил, то ли всерьез:

- *Если ты, Иван, считаешь, что твои ученые очень-очень умные, почему они строем не ходят?*

В курилке института сотрудники часто собирались и травили анекдоты. Мише понравился такой, рассказанный Романом:

Домработница ругается с хозяйкой и кричит ей в запале:

- *А все равно я лучше Вас, и красивее, и в постели приятней.*

- *Ах, ты дрянь! Кто это тебе сказал? Мой муж?*

- *Нет, Ваш шофер.*

Заглядывая Михаилу в глаза, Роман поинтересовался:

- А что, у твоей тещи есть любовник? Может Артемовский шофер?

Но Мишка не поддался на провокацию. Сказал только:

- Я теще свечку не держу.

Миша оценил анекдот, как веселую шутку, не более. Но однажды, оставшись дома с гриппом, услышал из спальни тещи периодическое посвистывание и похрюкивание, а потом громкий диалог тещи Глафиры Ивановны с шофером Яшей на кухне. Миша залег в постель, боясь даже выйти в туалет, чтобы не разоблачить любовников. Яша – здоровенный молодежавый мужик, приятной наружности, облаченный в кожаные штаны и куртку, вообще вел себя в доме более чем свободно. Вскоре он начал заигрывать и с Людмилой, время от времени вывозя ее в спец-ателье, спец-магазины и другие объекты женского быта, специализированного для генеральских семей. Однажды Миша услышал, что шофер вполне беззлобно назвал его «жиденком», и вспылал к нему лютой ненавистью.

Через 4 года после свадьбы, Михаил понял, что это не его дом, и не его жена на всю жизнь. Хотя они кончили институт по одной специальности, говорить с Людмилой было совсем не о чем. Она работала в институте технико-экономической информации. Где и с кем она трахалась помимо брачного ложа, был ли шофер Яша в числе ее любовников, Михаила уже не слишком интересовало. Надо было бы разводиться, но не хотелось бросать дочку, к которой его наверняка не подпустят после развода, да и возвращаться к родителям было невозможно, а уйти было больше некуда.

В институте у него образовалась связь с симпатичной инструкторшей Первого отдела Галей. Она звонила ему, когда в ее отделе никого не было, и по-быстрому отдавалась прямо на столе для ознакомления с секретными материалами, благо, по инструкции, дверь всегда была на запоре, а посетителей она сама должна была вызывать, когда для них приходили секретные документы. Через несколько месяцев, по репликам тещи, Миша установил, что, несмотря на любовь и интимные отношения, Галя аккуратно писала на него вполне лояльные донесения, информируя директора и институтский отдел КГБ обо всех его вольных высказываниях.

Между тем, работа над ракетой МСГ-100 буйно разрослась. Министерство оборонной промышленности выделило огромные средства, прикрепило к институту еще один – проектный, и завод для строительства опытного образца. Мишу назначили заместителем генерального конструктора по этому проекту, и он периодически ездил на Урал, контролируя сборку и поставку комплектующих материалов и приборов. В институте нашлись толковые конструкторы, хорошо разбирающиеся в тех делах, в которых Михаил совсем не имел опыта. Мишка любил эти командировки, наслаждаясь новыми местами, знакомствами с новыми людьми на заводах в провинции, часто очень грамотными и толковыми. Единственное, что отравляло ему все удовольствие, приставленный к нему то ли охранник, то ли соглядатай, как правило, молчаливо таскавшийся за ним не только на завод, но и живший в том же номере в гостинице. О чем с ним говорить, Мишка не знал, но скоро привык и перестал замечать.

Приближались полевые испытания первого образца. И тут Галя в хорошую минуту открыла ему глаза на подковерную возню вокруг его ракеты. Оказалось, в отчетах министерству М.С. Артемов совсем не упоминался в качестве автора МСГ-

100. Помимо самого высокого начальства – тестя - директора института, директора завода и министра, в составе авторской группы фигурировали совсем непонятные личности – например, какой-то Сиськин – куратор проекта от заказчика, и тому подобные. Помимо личной обиды, Мишу терзало чувство вины перед действительными помощниками, чья работа и идеи оказали проекту неоценимые услуги. Конечно, директор бы так не поступил, если бы не знал о надвигающемся разводе с Людмилой. Видимо, дочь ему сама об этом сказала.

Первым движением было пойти к директору и восстановить статус-кво, но Михаил не мог воспользоваться полученной от Гали информацией – она бы немедленно вылетела с обеих своих работ – в Институте и КГБ. Михаил решил схитрить, и подал докладную записку с перечислением самых активных своих помощников. В результате все они получили 20% прибавку к квартальной премии. Тогда Михаил обиделся и перестал заниматься ракетой МСГ-100. Но хорошо отлаженный механизм производства, однажды запущенный, продолжал крутиться, хотя сам. Миша остыл к своему проекту. Его давно интересовала эйнштейновская общая теория поля, и он стал заниматься ею.